

ПЕРЕВОДЫ

Предисловие переводчика

Практически все социальные проблемы, которые исследовал Парк, размещались и развивались в городской среде. Хотя его экологический подход отнюдь не ограничивается городской средой, однако свое конкретное выражение он получает почти исключительно в связи с метрополисом. Отсюда и ярлык Парка как теоретика социологии города. Город представлял для Парка удобный «локус исследования», поскольку именно здесь любая особенность человеческого поведения концентрировалась на относительно малом (обозримом) пространстве, естественный рост институтов идет наиболее стремительно. В публикуемой статье, несмотря на то, что она может показаться лишь обзорной, зафиксирован ряд принципиальных методологических позиций – как в отношении города, динамики его социального развития и дифференциации, так и относительно социальных наук, достигших такого состояния, когда стало возможно организовать и провести лабораторный эксперимент. Город – это лабораторный инструмент, похожий, наверное, на увеличительное стекло или микроскоп, поскольку он как бы усиливает, выпячивает и делает ярко выраженными любые особенности человеческой природы и поведения. Но кроме этого, город – это инструмент, контролирующий и направляющий наблюдения исследователя. Наблюдения эти могут проводиться как над индивидуальным поведением, так и над социальными институтами, и над городским сообществом в целом.

Совершенно очевидно, что здесь Парк выступает противником чисто экономического подхода к процессам в городе – город состоит из сообществ, прежде всего, а каждое сообщество до некоторой степени является независимой культурной единицей, со своими стандартами, нормами, моралью, традициями, определяющими поведение в городе. Поэтому процессы установления солидарности, социального контроля, координации действий, протекающие относительно гладко в малых сообществах, основанных на личных контактах, в большом городе наталкиваются на препятствия разобщенности, мобильности, гибридности и прочее и оказываются в этом «заблокированном» состоянии наиболее явными, наблюдаемыми и готовыми к лабораторному исследованию. Направления этих исследований Парк и представил в публикуемых ниже статьях.

Роберт Парк

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ¹

I. Человеческая природа и город

Город всегда описывали как естественное обиталище цивилизованного человека. Именно в городе человек создал философию и науку и стал не просто рациональным, но утонченным животным. Это, стало быть, означает, что именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной

¹ R. Park. The City as a Social Laboratory// In: Robert E. Park On Social Control and Collective Behavior/ Selected Papers, Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. - Chicago a. London: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967. - pp. 3-18.

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Баньковская С.П., 2002г.

жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей. Ибо город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями. Но если город – это сотворенный человеком мир, то это мир, в котором ему и приходится теперь жить. Таким образом, сотворив город, человек, невольно и не представляя себе отчетливо смысла этой работы, преобразил самого себя.

Примерно в этом смысле и в такой связи мы представляем себе город как социальную лабораторию.

По сути дела в наших современных городах цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента. Прогресс стремится к такому состоянию, когда, например, принятию законов предшествует сбор и анализ фактов, когда реформы осуществляются экспертами, а не любителями. Социальные обследования и различного рода муниципальные исследовательские конторы – свидетельство той политики, которая стала, скорее, эмпирической, нежели доктринерской.

Социальные проблемы в основе своей – проблемы города. В условиях города с его свободой достижение социального порядка и социального контроля, сопоставимого с тем, который естественно развивался в семье, в клане, в племени, становится проблемой.

Цивилизованный человек – это, так сказать, наиболее позднее явление. С точки зрения длительной исторической перспективы город и городская жизнь появились сравнительно недавно. Человек вырос и получил большинство своих врожденных и естественных черт в той среде, в которой живут и животные, в непосредственной зависимости от природного мира. В водовороте перемен, которые повлекло за собой появление города и гражданской жизни, человек так и не сумел сколько-нибудь основательно приспособиться биологически к своему новому окружению.

До тех пор, пока человек жил в пределах своего племени, обычай и традиция обеспечивали его решениями на все случаи повседневной жизни, а власти вождей было достаточно, чтобы противостоять потрясениям, случавшимся в относительно стабильном существовании. Однако человеческие возможности расширились с появлением городского сообщества. Новый социальный порядок предполагал новую свободу и более широкое разделение труда; город стал центром и средоточием социальных изменений, которые постепенно умножались и усложнялись до того, что сегодня каждый большой город является локальным центром мировой экономики и цивилизации, в котором локальные и племенные культуры, постоянно смешиваясь, вскоре вовсе исчезнут.

В городе, где обычай вытеснен общественным мнением и позитивным законом, человек вынужден жить, скорее, своим умом, нежели инстинктом или подчиняясь традиции. В результате появился человек индивидуальный – индивид – мыслящий и действующий.

Крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно, освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины. Он теперь сам по себе. Случай с крестьянином является типичным. Каждый человек в городе в той или иной степени – сам по себе. И как следствие, пересаженный в город человек до такой степени становится проблемой для самого себя и для общества, как никогда раньше.

Предшествующий этому порядок, покоившийся на обычае и традиции, был абсолютным и священным. К тому же он был чем-то вроде самой природы; он вырастал естественным образом, и люди принимали его таким, как есть, как они принимали погоду или климат, – как часть естественного порядка вещей. Однако новый социальный порядок является более или менее искусственным образованием – артефактом. Он не естественен и не священен, но прагматичен и экспериментален. Под напором практической необходимости образование перестало быть исключительно формой социального ритуала, политика стала прикладной, религиозная вера теперь, скорее, – поиск, а не традиция, то, что должно быть обречено, а не просто получено.

Естественные науки возникли в попытках человека добиться власти над внешней, физической, природой. Социальные науки сегодня стремятся к тому, чтобы посредством тех же методов отстраненного наблюдения и исследования дать человеку власть над самим собой. Поскольку именно в городе возникла политическая проблема (т.е. проблема социального контроля), то именно в городе ее и следует изучать.

II. Первые локальные исследования

Если в последнее время социальные науки и приобрели реалистический и объективный характер, то этим они более всего обязаны локальным исследованиям, тщательно и подробно изучавшим человека в среде его обитания и в тех условиях, в каких он реально живет.

Первые такие исследования были, как и следовало ожидать, более практическими, нежели теоретическими. Это были обследования жилищных условий и здоровья, бедности и преступности. Они стали основой для целого ряда реформ: аренды жилья, строительства игровых площадок, текущей статистики. Они пробудили новый, романтический, интерес к трущобам. Появилась новая литература, повествующая о жизни других людей и в то же время дающая представление о том, что бедные и иммигранты – такие же люди, как и мы.

Социальные поселения, созданные, примерно, в конце XIX века в Англии и Америке, стали основными объектами обследований и подробного, ближайшего рассмотрения социальных условий в тех городских районах, которые до того времени оставались для всех *terra incognita*, за исключением настоящих первопроходцев социологии города – политиков и полиции.

В 1895 году Джейн Адамс и ее коллеги опубликовали в Чикаго *Hull House Maps and Papers*, а несколькими годами позже Роберт Вудс в Бостоне выпустил *The City Wilderness and Americans in Process*. Эти работы были признаны в своем роде образцами исследования и заложили основания дальнейших более систематических и подробных исследований. Среди последних особого внимания заслуживает ряд работ, посвященных жилищным условиям в Чикаго, начатых в 1908 году под руководством Софонизбы Брекинридж и Эдит Эббот по поручению главного санитарного инспектора Чикаго в отделе социальных исследований (Russel Sage Foundation) Чикагской школы города и благотворительности (Chicago School of Civics and Philanthropy). В этих первых исследованиях изучались жилищные условия холостяков, семей в меблированных комнатах, Западный Чикаго, Южный Чикаго в районе сталелитейных заводов, проблемы негров, итальянские, словацкие, литовские, греческие кварталы².

В то же время, примерно в 1888 году, Чарльз Бут начал свое эпохальное исследование жизни и труда в Лондоне³, за которым последовало, в 1901 году, менее фундаментальное исследование бедноты в Нью-Йорке, сделанное Рантри⁴. По большому счету это – монографические исследования. Самой характерной их чертой были решительные и порой, пожалуй, даже педантичные попытки свести описательные суждения исследователей и наблюдателей, навеянные впечатлениями, к более точным, обобщенным формулировкам статистических заключений. Так, Бут пишет:

Если описывать, как я это сделал, улицу за улицей с их обитателями в этом огромном районе (Восточном Лондоне), исследовать дом за домом, семью за семьей во всех их живописующих деталях, записанных со слов непосредственных наблюдателей, тщательно заносивших все подробности в дневники, то невозможно усомниться в правдивости и истинности этой информации. У меня нет сомнений в полноте моего материала. Я поражен его массивностью и полон решимости использовать только те факты, которым я могу

² Целый ряд статей в *American Journal of Sociology* посвящен жилищным условиям в Чикаго XVI (1910-11), 145-70; 298-308; 433-68; XVII (1911-12) 1-34; 145-76; XVIII (1912-13) 241-57; 509-42; XX (1914-15), 145-69; 289-312; XXI (1915-16) 285-316.

³ Charles Booth. *Life and Labor of the People of London* (9 vols.). – 1892, London.

⁴ B. Seebohm Rountree. *Poverty: A Study of Town Life*. – London, 1901.

придать количественное значение. В каждой книжке наших записей лежит множество материала для душещипательных рассказов; но даже если бы я и обладал способностью использовать их подобным образом (даром воображения, который называют "реалистическим"), я бы не хотел воспользоваться ею здесь. Тут и ужасающая нищета, лишения, голод, пьянство, жестокость и преступления – никто не сомневается, что все это есть. Но моя цель – попытаться показать, какое численное отношение имеет бедность, нищета и порок к регулярным доходам и относительному комфорту, и описать общие условия жизни каждого класса⁵.

Однако, не статистика Бута, но его реалистические описания действительной жизни различных (по роду занятий) классов – условий их труда и проживания, их страсти, свободное времяпрепровождение, их маленькие домашние трагедии, их жизненные философии, помогающие справиться с невзгодами, – сделали этот труд незабываемым и бесценным вкладом в наше знание человеческой природы и общества. В конечном итоге эти тома дают нам тщательное и подробнейшее описание периода развития современной цивилизации, представленного в жизни лондонского рабочего в конце XIX века. Эти тома составили большое социологическое исследование и стали историческим документом.

В Соединенных Штатах локальным исследованиям очень сильно способствовало создание *Sage Foundation* в 1906 году и опубликование результатов Питтсбургского обследования в период с 1909 по 1914 год. Пол Келлог и его сотрудники выбрали для исследований Питтсбург потому, что видели в нем невероятно яркий образец того, как формируются силы и тенденции, характерные для стремительного роста индустриальной жизни в Америке. Питтсбург был явно и исключительно промышленным городом. Америка переживала промышленный переворот. Питтсбург стал клиническим материалом для изучения американской цивилизации. Представилась возможность наглядно показать, на примере одного города, как промышленная организация того времени повлияла на личную и культурную жизнь его обитателей. Это и было целью предпринятого обследования.

Питтсбургское обследование пришлось ко времени. Оно появилось, когда во всех уголках Соединенных Штатов мыслящие люди искали решения проблем, с которыми уже не справлялись традиционные технологии, воплощенные в формы традиционной партийной политики. Это было время, когда реформы стремились выйти за рамки политики, т.е. за рамки партийной политики. Питтсбургское обследование предоставляло новый метод для политического образования и коллективного действия в решении локальных проблем, метод, который не поднимал партийных вопросов и не содержал ничего революционного, вроде смены местного управления.

Социальные обследования с этих пор стали модными, и подобного рода локальные исследования предпринимались во всех частях страны. На широкий круг интересов, оказавшийся в поле их зрения, указывает предмет исследования некоторых наиболее значительных обследований. Примерами могут служить: Спрингфилдское обследование, которое покрывало целую область социальной политики (общественное здоровье, образование, социальные службы в их многочисленных видах)⁶, Обследование уголовного законодательства в Кливленде, опубликованное в 1922 году, и исследование расовых отношений в Чикаго после расовых волнений, опубликованное в том же году под названием "Негры в Чикаго".

Эти обследования, как и любые региональные исследования, носили черты локальной и современной истории. Они подчеркивали то, что уникально и индивидуально в исследуемых ситуациях. Но, в то же время, они представляют собой и монографические исследования. Ситуация в отдельном городе описывается в понятиях, которые делают ее сопоставимой с ситуациями в других городах. Обследования не предлагали широко обоснованных обобщений, но предоставляли массу материала, вызывающего вопросы и

⁵ Booth, Op.cit., I, 5-6.

⁶ *The Springfield Survey: A Study of Social Conditions in an American City*, directed by Shelby M. Harrison; 3 vols. (New York: Russel Sage Foundation, 1918-1920).

выдвигающего гипотезы, которые затем могли быть исследованы статистически и сформулированы в количественных понятиях.

III. Городское сообщество

Во всех, или в большинстве этих обследований достаточно ясно проводится мысль о том, что городское сообщество, по мере своего роста и организации, представляет собой совокупность тенденций и событий, которые могут быть концептуально описаны и могут стать предметом независимого исследования. Эти исследования достаточно четко дают понять, что город – это особая организация с типичной биографией, и что отдельные города обладают достаточным сходством, чтобы знание, полученное об одном городе, могло считаться (до некоторой степени) истинным и для других городов.

Такое представление о городе стало центральной темой целого ряда специально подготовленных исследований городского сообщества в Чикаго, часть которых уже опубликована, а другие находятся в процессе подготовки к публикации⁷. Три из этой серии исследований – *The Hobo* Нельса Андерсона, *The Ghetto* Луиса Вирта и *The Gold Coast and the Slum* Харви Зорбо – посвящены исследованию так называемых естественных зон города. *The Hobo: A Study of a Homeless Man* (Бродяга: исследование бездомного человека) уникально, поскольку изучает работника, не имеющего регулярного заработка, в его среде, т.е. в районе города, где интересы и привычки таких рабочих-по-случаю были, так сказать, институционализированы. *The Ghetto* (Геммо) в свою очередь, – это исследование еврейского квартала, но в то же время это и история развития своего рода института еврейской жизни, который появился и расцвел в Средние века и сохранился в некотором виде и по сей день. А сохраниться ему удалось, потому что он выполнял определенную социальную функцию, позволяющую двум не ассимилированным народам жить вместе, участвовать в одной экономике, сохраняя при этом свою расовую и культурную целостность. *The Gold Coast and the Slum* (Золотой Берег и трущоба) – это исследование северного района города, который является не столько естественной зоной, сколько скоплением естественных зон, включая «Маленькую Сицилию» и «Золотой берег», а также обширную зону доходных домов между ними.

Район называется «естественной зоной» потому, что появляется незапланированно и исполняет определенную функцию, хотя эта функция может и противоречить чьим-либо планам (как это бывает в случае с трущобами). Естественная зона имеет свою естественную историю. Существование таких естественных зон, каждая из которых исполняет свою особую функцию, указывает на то, чем оказывается город при более подробном анализе – не просто артефактом, как это было принято считать ранее, но в определенном смысле организмом.

Город, по существу, является констелляцией естественных зон, каждая из которых имеет свою специфическую среду и свою особую функцию в городской экономике в целом. Характер соотношения различных естественных зон города наиболее четко обнаруживается в отношении «город – пригород». Очевидно, что пригороды большого города являются просто продолжением городского сообщества. Каждый пригород, выталкиваемый в открытые просторы, отличается по своему характеру от любого другого пригорода. А метрополис, таким образом, представляет собой огромный движущий и сортирующий механизм, который еще не вполне понятными способами безошибочно отбирает людей, более всего пригодных для проживания в том или ином районе и в той или иной среде. Чем крупнее город, тем больше у него пригородов, и тем более определен их характер. Город растет в ходе экспансии, но он приобретает свой особый характер в ходе селекции и сегрегации своего населения; так, что каждый индивид непременно находит место, где он может жить, или же – где он должен жить⁸.

⁷ Robert E. Park, E.W. Burgess et al., *The City* (Chicago, 1925).

⁸ См. статью E.W. Burgess. *The Growth of the City* в кн.: R.E. Park, et al. *The City*, pp. 47-62.

В результате недавних исследований в Чикаго обнаружилось, до какой невероятной степени может развиваться такая сегрегация. В Чикаго есть районы, где почти нет детей, есть районы, где половина мальчиков-подростков хотя бы раз в год регистрировались в полицейских участках как правонарушители⁹; есть районы, где не бывает разводов, а есть такие, где процент разводов выше, чем в любой другой административной единице Соединенных Штатов (за одним исключением)¹⁰.

Соотношение возрастных и половых групп значительно варьирует в различных частях города, и эти вариации являются зависимыми показателями других – культурных – различий в составе населения.

Из этого, однако, не следует, что население различных естественных зон города можно описывать как однородное. Люди вообще живут вместе не потому, что они похожи, но потому, что они нужны друг другу. Это в особенности верно для больших городов, где социальные дистанции сохраняются несмотря на географическую близость, и где каждое сообщество, вероятнее всего, состоит из людей, проживающих вместе и связанных отношениями, которые, скорее, можно описать как символические, нежели социальные.

Но с другой стороны, каждое сообщество представляет собой в определенной степени независимое культурное образование, со своими стандартами, представлениями о должном, о приличиях и о том, что достойно уважения. По мере того, как человек взрослеет, или ввязывается в борьбу за статус в сообществе, он непременно перемещается из одного района в другой – возносится на Золотой Берег или опускается в трущобы, или, возможно, занимает вполне сносное положение где-то между ними. В любом случае, он знает, как более или менее успешно приспособиться к условиям и к правилам того района, куда он попадает. Регистрационные записи в социальных агентствах и других подобных учреждениях позволяют и дальше проследить миграции отдельных индивидов и семей и получить информацию относительно их субъективных переживаний, установок и умонастроений, взглядов на жизнь, а важнее всего – их изменяющиеся представления о себе самих, соотносимые с их перемещениями из одной среды в другую. Опубликованные в последнее время многочисленные истории жизни иммигрантов предоставляют материал как раз этого рода.

Чем больше мы понимаем установки и истории жизни индивидов, тем больше мы узнаем сообщество, в котором они живут. С другой стороны, чем больше мы знаем среду, в которой обитает (или обитал) индивид, тем более понятным становится для нас его поведение. Это так, поскольку, если темперамент является врожденным, то характер и привычки формируются под влиянием среды.

По сути дела, большинство наших обычных поведенческих проблем фактически решается (если решается вообще) за счет перемещения индивида из той среды, где он ведет себя плохо, в ту среду, где он ведет себя хорошо. И здесь, опять же, социальная наука достигла того уровня, который, можно считать, приближается к лабораторному эксперименту. Для такого рода экспериментальных целей город с его естественными районами становится «системой координат», т.е. инструментом для контроля наших наблюдений над социальными условиями и их отношением к человеческому поведению.

IV. Индивид

Благодаря присущей обществу и социальным отношениям природе, мы обычно обнаруживаем, что наши социальные проблемы олицетворены в отдельных личностях и в поведении отдельных индивидов. Именно поэтому социальные проблемы зачастую сводятся к проблемам индивидуального поведения, а поскольку социальные отношения в конечном счете и по сути являются личностными отношениями, то установки и поведение индивидов выступают основными источниками нашего знания об обществе.

⁹ См.: Clifford R. Shaw. *Delinquency and Crime Areas in Chicago* (Chicago, 1929)

¹⁰ Ernest R. Mawrer. *Family Disorganization*, pp. 116-23.

Город всегда был неиссякаемым источником клинического материала для изучения человеческой природы, поскольку он всегда был источником и средоточием социального изменения. В совершенно стабильном обществе, где человек достиг полного биологического и социального равновесия, вряд ли возникнут какие-либо социальные проблемы, а тревоги, душевные конфликты и чаяния, подстегивающие цивилизованного человека напрячь все свои силы и тем самым превращающие его в проблему для общества и для самого себя, отсутствуют.

Видимо как раз с тех, кого Зиммель называл внутренними врагами – бедных, преступников и душевнобольных, – и начались исследования личности. Но лишь совсем недавно бедность и преступность, равно как и сумасшествие, стали учитываться как проблемы личности и поведения. Сегодня можно утверждать, что социальная служба признана в качестве отрасли медицины, и так называемый психиатрический социальный работник заменил собой, или, по меньшей мере, дополнил, сочувствующего посетителя. Надзирающий за условно осужденными, надомный учитель, заведующий общественной детской площадкой – все они получили новый профессиональный статус по мере того, как было признано, что социальные проблемы – в основе своей проблемы поведения.

Изучение проблем личности получило новый стимул, когда в Чикаго, в 1899 году, был организован первый в Соединенных Штатах суд для несовершеннолетних. Суды для несовершеннолетних сразу же стали клиниками поведения (в той мере, в какой это практиковалось при обстоятельствах их возникновения). Отпуская малолетнего преступника на поруки, под наблюдение надзирающего должностного лица, они как бы предлагали ему участвовать в эксперименте, целью которого была его собственная реабилитация.

Только с образованием Психопатического института для несовершеннолетних¹¹ вместе с Чикагским Судом для несовершеннолетних стали возможными те самые систематические исследования Хили, которые легли в основу знаменитой книги «Индивидуальный преступник» (*The Individual Delinquent*), опубликованной в 1915 году. За ней последовали такие же исследования в Бостонском Фонде Судьи Бейкера и учреждение подобных же институтов для изучения детей и так называемого клинического поведения во всех уголках страны, а именно: Исследовательская лаборатория благосостояния детей в университете Айовы, Институт благосостояния детей в университете Миннесоты, Институт исследования благосостояния детей в Учительском колледже в Нью Йорке, Институт сопровождения детей и поддерживаемая местными властями клиника сопровождения детей, учрежденная в результате осуществления программы Фонда Содружества по Предотвращению несовершеннолетней преступности в Сент-Луисе, Далласе, Лос-Анджелесе, Миннеаполисе, Сент-Паоле, Кливленде и Филадельфии¹².

Исследования преступности несовершеннолетних и поведенческих проблем в целом были основаны на прочном фундаменте и в Чикаго, когда в 1926 году доктор Герман М. Адлер организовал Фонд Исследований поведения (*Behavior Research Fund*). Доктор Адлер собрал вместе большую группу студентов и экспертов, запустил административный механизм фиксирования точных научных данных, как психиатрических, так и социальных, которые, по мере их накопления, создали базу данных и информации, которая теперь обрабатывается в ходе статистического анализа и дает невероятно важные результаты.

Исследования Института исследований подростков и Фонда исследований поведения в определенном смысле уникальны. Они являются одновременно и психиатрическими, и социальными исследованиями, т.е. не просто исследованиями индивида и его поведения, но и его среды, а также ситуации, реакцией на которую и является его поведение. Это и есть реализация в форме определенной программы концепции, ставшей темой ряда конференций, проводимых психиатрами и представителями других социальных наук, с целью определения соотношения психиатрических и социальных исследований и установления роли, которую

¹¹ Теперь это Институт исследований молодежи (Institute for Juvenile Research)

¹² Для обзора и анализа направления исследований детства см.: W.I. Thomas and Dorothy S. Thomas. *The Child in America* (New York, 1928).

могла бы сыграть психиатрия в сотрудничестве с социальными науками для изучения и разрешения социальных проблем.

И теперь уже нет сомнений (если они когда-либо и были) в том, что представление индивида о себе самом, роль, которая ему отведена в обществе и, наконец, характер, который он приобретает, в большой степени определяются характером ассоциаций, в которые он вступает, а в целом – миром, в котором он живет. Город – это комплекс таких миров, которые соприкасаются, но никогда полностью не взаимопроникают.

Различия между городскими районами в отношении типа и характера социальной жизни, которую они поддерживают, несомненно настолько же велики, как и стандарты жизни, которые в них сохраняются, или как цена на землю, на которой они расположены. Ряд важнейших локальных исследований, предпринятых в Чикагском университете, ставит своей целью разграничение и характеристику всех значительных зон города. Эти исследования основываются на предположении, что более полное знание локальных образований и населяющих их людей прольет новый свет на огромные различия между зонами города по количеству и уровню разводов, преступности, (в том числе несовершеннолетней) и по другим признакам социальной дезорганизации. Результаты этой работы могут быть полезными любому социальному агентству, которое непосредственно (или косвенно) занимается этими проблемами. Но если еще более четко определить условия проводимого в настоящее время социального эксперимента, то это придаст городу характер социальной лаборатории в несколько более реалистическом смысле, чем это было до сих пор.

V. Институты

Город стал предметом исследования в самых различных отношениях. Уже существует обширная литература по географии города, есть множество исследований, рассматривающих город как физический объект, включая исследования жилищных условий, городского планирования и муниципального проектирования. Н.С. Б. Грас в своем *«Введении в экономическую историю»* сделал город центральной темой в истории экономики, которая развивалась постадийно – от деревни, небольшого города, к сегодняшней экономике метрополиса. По сути дела экономическая история приобретает новое значение, когда она написана с экологической и региональной точки зрения, и когда город с его рынком трактуется как центр постоянно расширяющейся области, которую он непрерывно консолидирует и на которую он распространяет свой контроль и господство.

Политические и административные проблемы городов стали занимать важное место в политической науке, и значение это возросло с ростом населения городов, с увеличением их сложности и усилением их влияния.

Городское сообщество является, наконец, (поскольку оно сейчас, как и всегда было плавильным котлом рас и культур) регионом возникновения новых институтов по мере упадка старых, их преобразования и исчезновения.

Семья, по крайней мере по своему происхождению, не является, видимо, институтом. Скорее она – первейшая и простейшая форма общества, форма, сохранившаяся, несмотря на постоянные преобразования под воздействием изменяющихся обстоятельств наполненного событиями человеческого развития. Семья, очевидно, сформировала основной образец для любого типа цивилизации, за исключением нашей. Западная цивилизация основывается на городе, на полисе, как его называли греки, и по своему происхождению является, скорее, политической, нежели семейной. Общества, организованные на родоплеменной основе, на обычае и на семейных узах в городах-государствах Греции и Рима были вытеснены обществами, основанными на гражданских правах и политической организации.

В настоящее время семья находится в процессе изменения и дезинтеграции практически во всех частях цивилизованного мира, включая и регионы, где она наиболее долго продержалась в своей изначальной форме, – в Японии и Китае. Эти изменения семейного уклада, однако, более стремительно развиваются в городах, чем где бы то ни было

еще. Этим изменениям способствует все, что составляет особенности городской жизни, – мобильное население, широкое разделение труда, распространение и умножение муниципальных институтов и различного рода социальных удобств. Школы, больницы и многочисленные частные агентства, предлагающие услуги, постепенно взяли верх, перехватывая функции, когда-то исполняемые дома, в семье, и тем самым способствовали упадку этого древнего института и снижению его социальной значимости.

И если старые формы семьи в городской среде переживают упадок, то именно в городе имеет место большинство экспериментов по выведению новых форм семейной жизни. Именно поэтому наиболее успешно изучать институт семьи можно как раз в городах, а не где бы то ни было еще.

Город и те условия жизни, которые он диктует, очень сильно способствуют секуляризации всех аспектов социальной жизни, и это глубоко отразилось на организации церкви. В последнее время было проведено множество локальных исследований городских и сельских церквей, но до сих пор не было исследований, показывающих степень изменений, затронувших структуру и функции церкви как социального института.

Однако несомненно, что эти изменения происходят, и что по мере роста интереса к изучению цивилизованного человека и развития методов таких исследований, как это имеет место в отношении первобытного человека, изменения в современных религиозных институтах приобретут то значение, какого они пока не имеют.

В последние годы, в особенности в Чикаго, профессор Чарльз Мерриэм инициировал и вдохновил поиски более реалистического подхода к изучению действующих в условиях современного города политических процессов¹³.

Широко трактуемый политический процесс представляет собой нечто гораздо большее, чем формулирование законов законодателями и их интерпретирование судами. Он включает в себя целый цикл событий, который начинается с некоторого общего беспокойства, благодаря которому и появляются политические проблемы, и заканчивается принятием нового правила поведения на уровне нравов и обычаев сообщества. Пользуясь выражением, которое У. А. Томас сделал широко известным, такое изменение можно назвать новым определением ситуации.

Политический процесс включает в себя публичное обсуждение и определение проблем; формирование и выражение общественного мнения; выборы законодателей, оформление и приведение в действие законодательства; интерпретацию и использование закона и, наконец, общее принятие и молчаливое признание действия закона сообществом. Таким образом закон фактически переходит в обычай и закрепляется в привычках сообщества. Политический процесс включает в себя все действия правительства, а поскольку общество по сути своей есть организация социального контроля, то он охватывает, в конечном счете, все аспекты социальной жизни.

Организация бюро муниципальных исследований в Нью-Йорке, Чикаго и других городах, недавние исследования администрации уголовного права в Кливленде и Сент-Луисе указывают на прогресс и направление исследований в этой области.

Исследования группы политологов в Чикагском университете показательны не только в отношении сдвига в сторону более реалистического восприятия политического процесса, но и в отношении попыток использовать научные методы в описании и предсказании политического поведения, как это сделано в уже опубликованных исследовательских проектах «Не-голосующие» Чарльза Мерриэма и Гарольда Госнела, «Выход из голосования» Г. Госнела, «Первичные выборы в Чикаго в 1926 году: Исследование методов выбора» Кэрол Вуди, «Картер Харисон I: исследование политического лидерства» Ч. Джонсона, «Городской менеджер» Леонарда Уайта.

Самнер утверждает, что существуют два типа институтов: 1) те, которые вырастают, и 2) те, которые приводят в действие. Но институты не только приводят в действие; их, скорее,

¹³ См.: Charles E. Merriam. *New Aspects of Politics* (Chicago, 1925); *Four American Party Leaders* (New York, 1926); *Chicago: A More Intimate View of Urban Politics* (New York, 1929).

открывают и изобретают. Поначалу кажется, что институты всегда вырастают сами, но они растут обычно путем накопления и приращения особых изобретений¹⁴.

То, что делает город местом, особенно выгодным для исследования институтов и социальной жизни вообще, – это тот факт, что в городских условиях институты растут очень быстро. Они растут прямо у нас на глазах, и процесс их роста открыт для наблюдения и, таким образом, – для эксперимента.

Есть и еще один факт, делающий город предпочтительным местом для исследований социальной жизни и придающий ему качество социальной лаборатории: это то, что в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается.

В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает.

А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это и привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества.

Перевод с английского С.П. Баньковской

¹⁴ Sumner. *Folkways*, pp. 48-50.